

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА В ПОЛИТИКЕ Б. ОБАМЫ В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Е. В. Мацулевич

*Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Республика Беларусь;
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Победа Б. Обамы на выборах привнесла новые концептуальные подходы во внутреннюю и внешнюю политику США. В отличие от стремящегося отстраниться от процессов распада СССР и образования СНГ Дж. Буша-ст., сдержанного во внешне-политических делах У. Клинтона и, наоборот, стремящегося проводить активную политику в различных регионах мира Дж. Буша-мл., 44-й американский президент выработал гибкую и умеренную стратегию, основанную на тезисах «мягкой» и «умной» силы. Нерешенные конфликты в мире, а также новые угрозы не позволяли США уделять интеграционным процессам на постсоветском пространстве главное внимание, однако упустить регион из виду новая администрация не могла, иначе статус мирового лидера Вашингтоном был бы утерян. Задачей являлось сохранить достижения американской политики в регионе, а также продолжить распространение и укрепление сферы своего влияния, что было невозможно без учета стратегического видения предыдущими администрациями ситуации на постсоветском пространстве. В статье рассмотрены основные черты политики Б. Обамы в отношении постсоветской интеграции, ее связь с подходами Дж. Буша-ст., У. Клинтона и Дж. Буша-мл.

Ключевые слова: США; постсоветское пространство; постсоветская интеграция; Дж. Буш-ст.; У. Клинтон; Дж. Буш-мл.; Б. Обама; новые независимые государства.

Образец цитирования: *Мацулевич Е. В.* Преемственность и новизна в политике Б. Обамы в отношении постсоветской интеграции // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2022. Вып. 10. С. 114–126. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2022-10-114-126>

CONTINUITY AND NOVELTY IN B. OBAMA'S POLICY TOWARDS POST-SOVIET INTEGRATION

E. V. Matsulevich

*National Institute for Higher Education, Minsk, Republic of Belarus;
Vitebsk State University named after P. M. Masharov, Vitebsk, Republic of Belarus*

After the collapse of the Soviet Union, the White House sought to consolidate American leadership in the post-bipolar world by expanding its sphere of influence in various regions of the world, including the post-Soviet region. The conceptual basis of the American foreign policy strategy was: the principle of the supremacy of its national interests.

Barack Obama's election victory brought new conceptual approaches to the domestic and foreign policy of the White House. The article examines the main features of B. Obama's policy towards post-Soviet integration, its connection with the approaches of George H. W. Bush, W. Clinton and George W. Bush. The main difference of B. Obama's foreign policy – moderate nature (basis on principals of “soft power”). American foreign policy 2009–2017 towards post-Soviet integration can be traced through Russian-American relations and policy towards the new independent states (the periphery of the former USSR). It is concluded that the Obama administration continued the policies of W. Clinton and George W. Bush and indirectly (through support for pro-Western regimes in the new independent states) undermined the foundations of non-American integration projects in the region.

Key words: USA; post-Soviet space; post-Soviet integration; George H. W. Bush; W. Clinton; George W. Bush; B. Obama; new independent states.

For citations: Matsulevich, E. V. (2022). Preemstvennost' i novizna v politike B. Obamy v otnoshenii postsovetsoi integratsii [Continuity and novelty in B. Obama's policy towards post-Soviet integration]. In: Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers. Minsk. Vol. 10, pp. 114–126. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2022-10-114-126>

Введение. Б. Обама вошел в историю как президент – нобелевский лауреат премии мира, приверженец «мягкой силы» во внешней политике. Он стал президентом в период кризиса прежней внешнеполитической доктрины. Оформленная как реакция на теракты 11 сентября 2001 г. «доктрина Буша» провозглашала право США на превентивные удары и вмешательство в дела любого региона, если это отвечает американским интересам. Доктрина перестала быть популярной в условиях экономического кризиса 2007–2008 гг. и отхода от «шока 11 сентября». В то же время Б. Обаме достались не решенные проблемы в Ираке и Афганистане, «русская» и «китайская» «угрозы». В дальнейшем к этим вызовам добавились новые – вопрос обновления договорной базы с Россией в сфере вооружений, испытания ядерного оружия Северной Кореей, «арабская весна», обострение арабо-израильского и Нагорно-Карабахского конфликтов, украинский кризис. Постсоветская интеграция в условиях обострения конфликтов, в т. ч. с применением оружия, не являлась главным вопросом для Вашингтона, однако, к тому времени уже традиционно рассматривалась как часть «русской» и «китайской» «угроз», сохраняла свою актуальность.

Цель исследования – выявить характерные черты позиции американского руководства 2009–2017 гг. в отношении постсоветской интеграции путем сравнения политики Б. Обамы, Дж. Буша-ст., У. Клинтона и Дж. Буша-мл.

Методология исследования. Методологическую основу работы составили научные принципы историзма, объективности и системности. При проведении исследования применялись как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индуктивный, дедуктивный, исторический, логический), так и специально-исторические методы (историко-

генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, историко-типологический и историко-системный).

Обзор литературы. В историографии обширно представлены различные аспекты внешнеполитической деятельности США, в т. ч. политика Вашингтона на постсоветском пространстве, однако отсутствуют фундаментальные работы, в которых приводится анализ позиции американцев в отношении постсоветской интеграции. Исключение составляет диссертация украинского исследователя С. Ю. Гвоздкова [1]. Однако временные рамки доведены до 2015 г., последующие события в исследовании не представлены. Кроме того, тематика ограничена интеграционными проектами России.

Среди публикаций российских авторов теме политики США в отношении постсоветской интеграции непосредственно посвящены работы М. В. Братерского [2] и А. В. Кузнецова [3]. С позицией американского научно-академического сообщества по этому вопросу можно познакомиться в статье В. Н. Вивьер [4].

В отечественной историографии тема представлена главой монографии А. П. Косова, где раскрыта тема только российско-белорусской интеграции [5].

Выявить позицию Вашингтона в отношении постсоветской интеграции невозможно в отрыве от анализа общей внешнеполитической концепции Соединенных Штатов. Белорусский исследователь А. А. Плащинский посвятил монографию концептуальным основам внешнеполитической стратегии США [6]. Автор в т. ч. проанализировал доктрины «Клинтона», «Буша» и «Обамы» как составляющие парадигмы «нового мирового порядка», которая характерна для американской внешней политики с момента провозглашения независимости США [6, с. 105, 106, 140–158]. Усиление Китая в Азии, активизация геополитической роли России, создание БРИКС, ШОС и других интеграционных объединений автором оценено как серьезный вызов «миру по-американски», с которым США столкнулись в годы президентства Б. Обамы [6, с. 106].

Представление о позиции Вашингтона в отношении постсоветской интеграции позволяют сформировать исследования американских ученых и аналитиков, которые уделили внимание отдельным мероприятиям американской политики на постсоветском пространстве и общим стратегическим подходам [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Таким образом, в историографии тема исследования представлена фрагментарно.

Результаты. Еще будучи сенатором, Б. Обама имел ряд пунктов, которые он бы положил в основу новой внешнеполитической стратегии: «возврат к изоляционизму <...> работать не будет»¹; «условия безопасности, с

¹ Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. СПб. : Азбука-классика, 2008. С. 337–338.

которыми мы сталкиваемся сегодня, фундаментально отличаются от тех, что существовали пятьдесят, двадцать пять или даже десять лет назад»², опасность исходит от «слабых и развивающихся государств, деспотичного правления, коррупции и хронического насилия; от стран, в которых подавляющее большинство населения живет в нищете, не образовано и отрезано от мировой информационной сети; из мест, где правители боятся, что глобализация ослабит их власть, подорвет традиционную культуру или вытеснит местные институты»³, «от соблюдения международных «правил дорожного движения» никто не получит столько пользы, сколько мы» («у нас есть право предпринимать односторонние военные акции для ликвидации непосредственной угрозы нашей безопасности – при условии, что под непосредственной угрозой понимается страна, группировка либо личность, которая активно готовится нанести удар по объектам США (или союзников, с которыми США имеет взаимное соглашение об обороне) и имеет или получит возможность нанести этот удар в ближайшем будущем»)⁴, не столько предотвращать войну, сколько содействовать делу мира⁵.

Эти пункты оформили «доктрину Обамы», в основе которой – стремление к глобальному управлению под лозунгом защиты национальных интересов и борьбы с новыми вызовами и угрозами [6, с. 106]. Концепция «оси зла» как составляющей внешнеполитической стратегии США уступила место концепции «справедливой войны» (представлена Б. Обамой в нобелевской речи 2009 г.) [6, с. 106].

Однако «доктрина Обамы» не изменила главную составляющую внешнеполитического поведения США – стремление к глобальному лидерству. Белый дом намеревался участвовать в делах различных регионов, чтобы распространить и закрепить там свою сферу влияния. В контексте этого, политика США в отношении постсоветской интеграции прослеживается через такие составляющие внешней политики Вашингтона, как помощь развивающимся странам и негосударственным субъектам и «перезагрузка» российско-американских отношений.

Помощь развивающимся странам и негосударственным субъектам

По оценкам американских экспертов, Б. Обама изменил общий внешнеполитический подход США, сделав акцент на сотрудничество с развивающимися державами и негосударственными субъектами [13]. В этой связи на постсоветском пространстве Вашингтон активно налаживал сотрудничество с Молдовой, Украиной и центрально азиатскими республиками – теми

² Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. СПб. : Азбука-классика, 2008. С. 339.

³ Там же. С. 340.

⁴ Там же. С. 344–345.

⁵ Там же. С. 351.

странами, которые «стремились, с одной стороны, развивать добрососедские отношения с Россией, а с другой – искали максимального сближения с Западом» [16, с. 26]. Однако такой подход был обозначен еще при У. Клинтоне, обоснован в «доктрине Лейка», положен в основу «доктрины Буша» и стал логическим продолжением и следствием «оранжевых революций».

Сразу же после распада Советского Союза на повестке дня стоял вопрос о признании Соединенными Штатами независимости бывших республик СССР, а также оказании им помощи. Позиция администрации президента сводилась к условной формуле «сначала реформы и ядерное разоружение – потом признание». В связи с этим первыми получили поддержку США те страны бывшего Советского Союза, которые взяли на себя обязательства. Признание получило и Содружество Независимых Государств (СНГ) и Россия как его центр. Это было связано с тем, что создание СНГ на обозначенных условиях было выгодно для Белого дома: чтобы Дж. Буш-ст. поддержал постсоветскую интеграцию, Б. Ельцин, извещая Вашингтон о создании СНГ, сделал акцент на Статью 6 договора о Содружестве. Статья удовлетворяла первостепенные американские интересы, давая гарантию соблюдения странами – участницами требований международной безопасности, сокращения вооружения и расходов на оборону, подтверждая намерение ликвидировать ядерное оружие и провести полное разоружение.

Однако в дальнейшем в адрес президента начала поступать критика со стороны Конгресса, которая была обусловлена разным видением того, как Соединенным Штатам следует участвовать в судьбе постсоветского региона. В сторону президента и госсекретаря выступили в т. ч. однопартийцы с обвинением в поспешности удовлетворения потребности некоторых стран бывшего СССР в признании. Конгресс хотел видеть реальные шаги правительств новых независимых государств к реформам и разоружению, а не ограничиваться их заверениями. Его представители настаивали на том, что необходимо включить бывшие советские республики в так называемый «мир западных демократий», уделяя большее внимание, нежели президент, проведению реформ.

Такая реакция Конгресса, а также то, что темпы демократизации России как центрального государства СНГ и «локомотива» реформ в регионе затягивались, привела к тому, что «доктрина Лейка» выдвинула идею смещения внимания с центрального государства региона на периферию бывшего Советского Союза. В этом же контексте развивалась финансовая политика США в отношении постсоветских стран. Чтобы не повторилась ситуация при Дж. Буше-ст. и У. Клинтоне, когда Конгресс выступал с критикой поспешности и неоправданности оказания помощи той или иной стране, Дж. Буш-мл. обозначил принцип, по которому будет оказываться поддержка. В качестве аргумента стал выступать тезис «терроризм зарождается в бедных странах». Соответственно, Вашингтон должен

оказывать помощь только тем государствам, которые не только будут сторонниками прямой контртеррористической борьбы, но и продемонстрируют свое серьезное отношение к проведению реформ (тем самым снижая вероятность зарождения на своей территории экстремистских идей и группировок). Данный контекст был развит из позиции У. Клинтона, который продвигал идею распространения демократии, подкрепляя ее тезисом, что только в окружении демократий демократия сохранится в США⁶.

Обозначенный подход был сохранен Б. Обамой. Однако стремление администрации быть активной на разнообразных внешнеполитических векторах на деле свелось к тому, что реальные действия сконцентрировались на решении ближневосточных конфликтов и «перезагрузке» российско-американских отношений. Это отвечало тактике «умной силы», приверженцем которой выступил Б. Обама. Ближневосточные конфликты и их последствие – рост международной террористической угрозы – являлись главной заботой Вашингтона, на решении которой необходимо было сосредоточиться. Остальные действия, в т. ч. снижение напряженности в отношениях с Россией, должны были способствовать достижению этой цели. Как следствие, чтобы открыто не выступать конкурентом российской сфере влияния, сократилось количество встреч американцев с главами государств новых независимых государств, что рядом лидеров стран СНГ было воспринято негативно [16, с. 27]. Североатлантический альянс (НАТО) и финансовые инвестиции США в экономику и сферу безопасности стран, стремящихся к более тесному сотрудничеству с Вашингтоном, а также поддержка неправительственных организаций, продемонстрировавших через «оранжевые революции» свою эффективность в распространении западной идеологии, оставались теми реальными инструментами, которые позволяли Белому дому не упустить молодые государства из сферы своего влияния. Это был оптимальный способ удовлетворить запросы прозападных режимов и продолжить концентрировать политику США на вопросах региональной и международной безопасности.

По мере роста критики политики Б. Обамы, упускающей постсоветское пространство из своего внимания, а также роста активности России, выраженной в присоединении Крыма и углублении постсоветской интеграции, американское руководство в 2015 г. выработало еще один механизм вовлечения новых независимых государств в «западный мир» – площадку «С5+1», представляющую собой альтернативу экономической интеграции под эгидой России для центральноазиатских республик. Подобное мероприятие было не первым: при поддержке США была образована Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (ГУУАМ),

⁶ A Democrat Lays Out His Plan: A New Covenant for American Security // Harvard International Review. 1992. Vol. 14, No. 4. P. 26.

созданная в 1997 г. (Устав подписан в 2006 г.) с участием Азербайджана, Грузии, Молдовы, Украины и Узбекистана (в 1999–2005 гг.).

Таким образом, Б. Обама продолжил политику У. Клинтона и Дж. Буша-мл. по установлению контактов с новыми независимыми государствами, поддержанию в них прозападных режимов, что наряду с включением в западные структуры и интеграционные проекты, инициируемые Вашингтоном, должно было ослабить российские и китайские инициативы. Данная политика не была направлена прямо против действующих неамериканских интеграционных проектов, но косвенно подрывала их основы. Такая непрямая тактика укладывалась в новую внешнеполитическую доктрину, основанную на лозунгах «мягкой силы».

«Перезагрузка» российско-американских отношений

При Б. Обаме с одной стороны Белый дом не уменьшал своего присутствия в странах СНГ, что являлось угрозой для сферы влияния Москвы, а с другой – Вашингтон нуждался в доброжелательном диалоге с российским руководством для достижения успеха в урегулировании конфликтов в Афганистане, Нагорном Карабахе, борьбе с сирийским режимом и иранской угрозой, договоренностей в сфере вооружения. Заявления о принципах сотрудничества с Грузией, Украиной, Азербайджаном, Казахстаном и об их поддержке Вашингтоном не имели предметного наполнения, в отличие от диалога с Кремлем, главным результатом которого стал Договор между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор о СНВ) и союз в решении ряда международных конфликтов. Даже несмотря на то, что США публично осудили Россию после присоединения к ней Крыма в 2014 г., в двустороннем диалоге дела постсоветского пространства занимали не главное место: с российским президентом обсуждались вопросы о деятельности террористической организации ИГИЛ, об Иране и Сирии, Нагорно-Карабахском конфликте. Призывы к выполнению Минских соглашений, призванных завершить украинский кризис, составляли лишь один из пунктов обширной повестки, сконцентрированной в большей степени на ближневосточном регионе⁷.

⁷ Readout of the President's Call with President Vladimir Putin of Russia // The White House President Barak Obama [Electronic resource]. 2015. June 25. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/06/26/readout-president%E2%80%99s-call-president-vladimir-putin-russia> (accessed: 27.07.2022); Readout of the President's Call with President Vladimir Putin of Russia // The White House President Barak Obama [Electronic resource]. 2016. April 18. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/04/18/readout-presidents-call-president-vladimir-putin-russia> (accessed: 27.07.2022); Readout of the President's Call with President Vladimir Putin of Russia // The White House President Barak Obama [Electronic resource]. 2016. July 6. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/07/06/readout-presidents-call-president-vladimir-putin-russia> (accessed: 27.07.2022).

Особые отношения с Российской Федерацией у Соединенных Штатов сложились уже сразу после распада СССР. Ее выделение среди других бывших советских республик было объективно вызвано тем, что именно с ее руководством обсуждались вопросы распада СССР и создания СНГ, и именно она должна была стать гарантом безопасности в регионе. В начале XXI в. Вашингтон традиционно руководствовался своими интересами и стремлением получить выгоды от российско-американского сотрудничества: помощь в борьбе с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, совместное планирование миротворческих операций.

В начале 1990-х гг. фактическое одобрение Москвы как центра СНГ и поддержка реформ в России были связаны с намерением американского руководства сделать эту страну «двигателем» демократии в регионе. Однако если администрация 41-го президента США хотела видеть Россию центром СНГ, чтобы избежать хаоса и мелких конфликтов на постсоветском пространстве, то при У. Клинтоне отношение к ней и ее центрообразующей роли в Содружестве изменилось. Сохранение российских войск в ряде новых независимых государств, их участие в миротворческих миссиях, активизация российско-белорусской интеграции, победа, в западном восприятии, пророссийских кандидатов в президенты в Беларуси и Украине, а также появление в российском политическом дискурсе идеи евразийства – для американцев означало стремление отойти от вестернизации и модернизации по западному образцу. Все это вело к тому, что в Соединенных Штатах распространилось видение состояния бывших советских республик как зависимых от Москвы, несмотря на их стремление присоединиться к западным структурам⁸. Как следствие, начался поиск иных средств консолидации стран региона, которые не вели бы их к зависимости от России, а способствовали бы включению в «мир демократии». Также чаще стали подниматься вопросы о присоединении этих стран к западным структурам.

При администрациях У. Клинтона бывшие республики СССР перестали рассматриваться как единый регион, объединенный советским прошлым. В начале XXI в. они должны были быть интегрированы в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Европы, Североатлантический Альянс (НАТО), Европейский союз⁹. В американском

⁸ Congressional Record. Proceedings and debates of the 103d Congress, First session. 21 January 1993 // Congress.gov [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/01/21/GPO-CRECB-1993-pt1-5-2.pdf> (accessed: 11.11.2021).

⁹ A National Security Strategy for a Global Age. 2000 // National Security Strategy Archive [Electronic resource]. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2001.pdf> (accessed: 10.05.2021).

экспертном сообществе обращали внимание на возможную выгоду для Соединенных Штатов постсоветской интеграции и лидирующей роли России в ней¹⁰.

Учитывая все мнения, У. Клинтон взял за основу концепцию Дж. Буша-ст., но реформировал ее: необходимо сделать Россию «двигателем» демократии в регионе, но не только через реформы, но и через западные структуры, в первую очередь Североатлантический альянс, с помощью которого вслед за Российской Федерацией привести постсоветские государства в «западный мир». Приверженность этому подходу продемонстрировал Дж. Буш-мл., при котором США выразили намерение содействовать вступлению России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Также началась активная пропаганда перевода отношений НАТО – Россия из вражеских в дружеские под девизом «НАТО больше не предназначено быть врагом России» (*«NATO was not meant to be the enemy of Russia any longer»*)¹¹. На «перезагрузку», т. е. улучшение, российско-американских отношений был настроен и Б. Обама.

Под влиянием изменения внешнеполитического поведения российского руководства постепенно менялось американское отношение к процессу постсоветской интеграции. При Дж. Буше-ст. она была одобрена Вашингтоном, но, несмотря на активные контакты с Россией и фактическое признание Москвы как центра СНГ, позиция президента была осторожной. Это было связано с непониманием сути и содержания постсоветской интеграции: «Содружество» – это лишь новое название СССР с его прежней системой управления, или нечто иное, а Советский Союз со своим режимом действительно пал¹²?

В последующем из-за активизации российской политики в регионе отношение к ее интеграционным инициативам подвергалось резкой критике. Основания к этому находили в расплывчатых формулировках договорной базы интеграционных проектов [15].

Позиция Вашингтона прошла стадии полного, но осторожного принятия при Дж. Буше-ст., затем – одобрения только экономической интеграции, а не политической при У. Клинтоне (пользу такого развития активно продвигал Центр стратегических и международных исследований США (CSIS)), после чего вступила в стадию неприятия любых новых и критики действующих интеграционных объединений, что было связано с

¹⁰ Extensions of Remarks 25 March 1993 // Congress.gov [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/03/25/GPO-CRECB-1993-pt5-3-3.pdf> (accessed: 20.11.2021).

¹¹ Congressional Record. Proceedings and debates of the 107th Congress, First session. 19 June 2001 // Congress.gov [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/107/crec/2001/06/19/CREC-2001-06-19.pdf> (accessed: 24.02.2022).

¹² Бжезинский З., Скоукрофт Б. Второй шанс. Америка и мир. М., 2018. С. 24.

оценкой любых инициатив как политических, реализующих намерение России доминировать в регионе.

Аналогичная позиция сохранялась при Б. Обаме, хотя критика стала звучать не так часто, что отвечало цели наладить российско-американские отношения. В данном случае приверженность «умной силе» означала поставить в приоритет позитивный диалог Вашингтона и Москвы, «пожертвовав» прямым осуждением постсоветской интеграции под эгидой Кремля.

В то же время, как было обозначено ранее, Вашингтон, стремясь включить новые независимые государства в свои интеграционные проекты и западные структуры, косвенно подрывал основы действующих проектов, создавая конкуренцию России как лидеру интеграционных процессов в регионе (а также Китаю, деятельностью которого Белый дом был также обеспокоен).

Заключение. Таким образом, главным отличием внешней политики Б. Обамы от политики Дж. Буша-ст., У. Клинтона и Дж. Буша-мл. стал ее умеренный характер, отход от стремления или к изоляционизму, или к интервенционизму.

В отношении постсоветского пространства и интеграционных процессов в регионе наблюдается спад американского внимания. Общая стратегия в отношении данных процессов продолжила идеи, которые зародились при 41-м, 42-м и 43-м президентах США, однако наблюдается отход от позиции Дж. Буша-ст., при котором, фактически, было одобрено создание СНГ и лидирующая роль России в нем. Идея, которая была выдвинута при Дж. Буше-ст. и развита при У. Клинтоне и Дж. Буше-мл., включить в первую очередь Россию в западные структуры, чтобы вслед за ней, в силу ее геополитического влияния в регионе, привести туда остальные новые независимые государства, потеряла свою актуальность.

Поддерживая идею демократического мессианства, Соединенные Штаты продолжили курс У. Клинтона и Дж. Буша-мл. по поддержке прозападных режимов и неправительственных организаций в бывших советских республиках, а также идею создания региональных интеграционных проектов, альтернативных китайским и российским. Необходимость улучшить российско-американские отношения привела к снижению публичной критики со стороны Белого дома в адрес российских интеграционных проектов, однако неизменной осталась позиция политических кругов США, которые с начала 2000-х гг. даже экономическую интеграцию стали рассматриваться как политические проекты, не отвечающие интересам США.

В рамках «доктрины Обамы» не предпринимались открытые действия по подрыву основ неподконтрольных Вашингтону интеграционных проектов на постсоветском пространстве, однако политика США делала это косвенно, что отвечало принципам «мягкой силы».

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. – к. и. н., доц. А. П. Косов).

Библиографические ссылки

1. Гвоздков С. Ю. Еволюція позиції США щодо інтеграційних проєктів Росії на пострадянському просторі (1991–2014 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02. Київ. 2016. 195 л.
2. Братерский М. В. Политика США в отношении постсоветской интеграции // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 6. С. 3–16.
3. Кузнецов А. В. Влияние политики США на ЕАЭС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-1. С. 192–194.
4. Вивьер В. Н. Освещение евразийской интеграции в научно-академическом дискурсе США // Коммуникология. 2019. № 1. С. 33–42.
5. Косов А. П. Современные белорусско-российские отношения: восприятие и оценки политиков, экспертов, СМИ и общественности Беларуси, России, Украины и стран Запада: монография. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова. 2020. 315 с.
6. Плащинский А. А. Парадигма нового мирового порядка во внешнеполитической стратегии США: формирование и развитие: монография. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО». 2017. 292 с.
7. Kaufman R. A Paradigm for a Post-Postwar Order // Naval War College Review. 1991. Vol. 44, No. 1. P. 83–97.
8. A Democrat Lays Out His Plan: A New Covenant for American Security // Harvard International Review. 1992. Vol. 14, No. 4. P. 26–28, 62–64.
9. Trenin D. Central Asia's Stability and Russia's Security Central Asia's Stability and Russia's Security // CSIS [Electronic resource]. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0168.pdf (accessed: 01.03.2022).
10. Clover Ch. Dreams of the Eurasian Heartland: The Reemergence of Geopolitics // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78, No. 2. P. 9–13.
11. Olcott M. Central Asia: Terrorism, Religious Extremisms, Regional Security // Carnegie Endowment for International Peace [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/2003/10/29/central-asia-terrorism-religious-extremisms-regional-security-pub-1387> (accessed: 11.03.2022).
12. Shevtsova L. New political forces // August 1991: The attempted coup and its consequences. 1992. No. 3. P. 11–15.
13. Rothkopf D. Q&A: Inside Hillary Clinton's Foreign Policy Revolution // Carnegie Endowment for International Peace [Electronic resource]. 2009. August 24. URL: <https://carnegieendowment.org/2009/08/24/q-inside-hillary-clinton-s-foreign-policy-revolution-pub-23702> (accessed: 07.06.2022).
14. Kagan R. Foreign Policy Sequels // Carnegie Endowment for International Peace [Electronic resource]. 2009. March 9. URL: <https://carnegieendowment.org/2009/03/09/foreign-policy-sequels-pub-22826> (accessed: 07.06.2022).
15. Sushko O. From the CIS to the SES. A New Integrationist Game in Post-Soviet Space // CSIS [Electronic resource]. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0303.pdf (accessed: 03.03.2022).
16. Анашкина Е. Б. Политика президента Б. Обамы на постсоветском пространстве: итоги 2009–2016 гг. // США & Канада: экономика – политика – культура. 2017. № 6. С. 26–40.

References

1. Gvozdkov, S. Ju. (2016). *Evoljucija pozycji' SShA shhodo integracijnyh proektiv Rosii' na postradjans'komu prostori (1991–2014 rr.)* [Evolution of the US position regarding Russia's integration projects in the post-Soviet space (1991–2014)]: the Dissertation of PhD in History. Kyi'v, 195 p. (In Ukr.).
2. Braterskij, M. V. (2013). *Politika SShA v otnoshenii postsovetskoj integracii* [US policy towards post-Soviet integration]. In: *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. No. 6, p. 3–16. (In Russ.).
3. Kuznecov, A. V. (2020). *Vlijanie politiki SShA na EAJeS* [Impact of US policy on the EAEU]. In: *Bol'shaja Evrazija: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. No 3-1, p. 192–194. (In Russ.).
4. Viv'er, V. N. (2019). *Osveshhenie evrazijskoj integracii v nauchno-akademicheskom diskurse SShA* [Eurasian Integration Coverage in the Scientific and Academic Discourse of the United States]. In: *Kommunikologija*. No. 1, p. 33–42. (In Russ.).
5. Kosov, A. P. (2020). *Sovremennye belorussko-rossijskie otnoshenija: vosprijatie i ocenki politikov, jekspertov, SMI i obshhestvennosti Belarusi, Rossii, Ukrainy i stran Zapada* [Modern Belarusian-Russian relations: perceptions and evaluations of politicians, experts, mass media and the public of Belarus, Russia, Ukraine and Western countries]. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova, 315 p. (In Russ.).
6. Plashhinskij, A. A. (2017). *Paradigma novogo mirovogo porjadka vo vneshnepoliticheskoj strategii SShA: formirovanie i razvitie* [The New World Order Paradigm within the U.S. foreign policy strategy: formation and development]. Minsk: Mezhdunar. un-t «MITSO», 292 p. (In Russ.).
7. Kaufman, R. (1991). *A Paradigm for a Post-Postwar Order*. In: *Naval War College Review*. Vol. 44, No. 1, p. 83–97.
8. *A Democrat Lays Out His Plan: A New Covenant for American Security*. (1992). In: *Harvard International Review*. Vol. 14, No. 4, p. 26–28, 62–64.
9. Trenin, D. (2000). *Central Asia's Stability and Russia's Security*. CSIS [Electronic resource]. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0168.pdf (accessed: 01.03.2022).
10. Clover, Ch. (1999). *Dreams of the Eurasian Heartland: The Reemergence of Geopolitics*. In: *Foreign Affairs*. Vol. 78, No. 2, p. 9–13.
11. Olcott, M. (2003). *Central Asia: Terrorism, Religious Extremisms, Regional Security*. Carnegie Endowment for International Peace [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/2003/10/29/central-asia-terrorism-religious-extremisms-regional-security-pub-1387> (accessed: 11.03.2022).
12. Shevtsova, L. (1992). *New political forces*. In: *August 1991: The attempted coup and its consequences*. No. 3, p. 11–15.
13. Rothkopf, D. (2009). *Q&A: Inside Hillary Clinton's Foreign Policy Revolution*. Carnegie Endowment for International Peace [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/2009/08/24/q-inside-hillary-clinton-s-foreign-policy-revolution-pub-23702> (accessed: 07.06.2022).
14. Kagan, R. (2009). *Foreign Policy Sequels*. Carnegie Endowment for International Peace [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/2009/03/09/foreign-policy-sequels-pub-22826> (accessed: 07.06.2022).
15. Sushko, O. (2003). *From the CIS to the SES. A New Integrationist Game in Post-Soviet Space*. CSIS [Electronic resource]. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0303.pdf (accessed: 03.03.2022).

16. Anashkina, E. B. (2017). Politika prezidenta B. Obamy na postsovetском prostranstve: itogi 2009–2016 gg. [The Obama policy on the post-Soviet area: results of 2009–2016]. In: *SShA & Kanada: jekonomika – politika – kul'tura*. No. 6, p. 26–40. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.09.2022.

Received by editorial board 17.09.2022

Автор: Мацулевич Евгения Васильевна – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, преподаватель кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П. М. Машерова; e-mail: evgeniya.maculevich@mail.ru.

About author: Matsulevich Evgeniya – postgraduate of the National Institute for Higher Education, teacher of the Department of History and Cultural Heritage of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov; e-mail: evgeniya.maculevich@mail.ru.